

**Общедоступные лекции и речи
Александра Григорьевича
Столетова**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
О-28

О-28 Общедоступные лекции и речи Александра Григорьевича Столетова / — М.: Книга по Требованию, 2023. — 286 с.

ISBN 978-5-519-75490-3

ISBN 978-5-519-75490-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Almouney

Александръ Григорьевичъ Столѣтовъ *)

(Родился въ 1839 г., † въ 1896 г.).

Въ ночь съ 14 на 15 мая, когда по улицамъ Москвы шумно расходились веселыя толпы народа и одинъ за другимъ потухали огни иллюминацій, въ стѣнахъ университета угасала жизнь одного изъ преданнѣйшихъ и незамѣнимыхъ его дѣятелей—профессора А. Г. Столѣтова.

Вся эта жизнь была безкорыстнымъ служеніемъ русской наукѣ и университету—для того, чтобы въ результатѣ привести къ ряду горькихъ разочарованій. „Въ сентябрѣ меня уже не будетъ въ университетѣ“,—были послѣднія, какъ бы прощальныя, слова, которыя я слышалъ отъ него за нѣсколько дней до его неожиданной смерти, какъ громомъ поразившей не только его друзей, но и всѣхъ, кто въ состояніи былъ оцѣнить значеніе его университетской дѣятельности. Ни онъ, ни я не подозревалъ, конечно, въ эту минуту, что не черезъ нѣсколько месяцевъ, а черезъ нѣсколько дней его уже не будетъ, не только въ университетѣ, но и въ живыхъ — какъ будто ему уже не достало силъ привести въ исполненіе свое намѣреніе, какъ будто ему легче было разстаться съ жизнью, чѣмъ съ этимъ университетомъ, на который была растрочена вся его жизненная энергія...

Александръ Григорьевичъ Столѣтовъ родился во Владимірѣ (на Клязьмѣ) въ 1839 году. Происходилъ онъ отъ стариннаго новгородскаго купческаго рода, выслепнаго во Владиміръ послѣ паденія Новгорода. Картину мирной, патриархальной жизни, среди которой протекало его дѣтство, онъ самъ сохранилъ въ дѣтски-наивныхъ, безыскусственныхъ дневникахъ, которые велъ съ девятилѣтняго возраста. На каждой страницѣ этихъ дневниковъ проглядываетъ глубокая привязанность къ семьѣ, въ особенности къ матери, которая, повидимому, имѣла главное вліяніе на его воспитаніе, и къ родному Владиміру. Эти привязанности А. Г. сохранилъ на всю жизнь, до послѣднихъ лѣтъ, не упуская почти ни однихъ ваканцій, чтобы не навѣстить свою престарѣлую мать (скончавшуюся 82 лѣтъ въ 1889 году).

Благодаря этимъ дневникамъ, является возможность изо дня въ день за цѣлыя годы, слѣдить за всѣми маленькими событіями (до недоразумѣній съ кошкой включительно) и маленькими радостями въ жизни ихъ автора—

*) Желаящіе подробности ознакомиться съ научною дѣятельностью А. Г. Столѣтова найдутъ эти свѣдѣнія въ біографическомъ очеркѣ профессора А. Н. Соколова *Александръ Григорьевичъ Столѣтовъ*. Петербургъ. 1897.

и за все это время приходится отмѣтить только одну маленькую ссору— съ старшимъ братомъ, но и здѣсь, какъ и во всѣхъ житейскихъ столкновенияхъ въ зрѣломъ возрастѣ, право было на его сторонѣ: братъ хотѣлъ нарушить его авторскую скромность и прочесть вслухъ тщательно скрываемые имъ стихи. Одинъ товарищъ дѣтства А. Г. могъ резюмировать свои воспоминанія о немъ одной фразой—„это былъ очаровательный ребенокъ“. Изъ того факта, что девятилѣтній мальчикъ, для своего личнаго удовольствія и скрывая отъ взрослыхъ, писалъ стихи, а также на основаніи прекраснаго, простаго и правильнаго слога дневниковъ, видно, какъ рано А. Г. овладѣлъ родною рѣчью, о чистотѣ и красотѣ которой такъ заботился всю свою жизнь, испытывая почти нервное раздраженіе при встрѣчѣ съ небрежнымъ къ ней отношеніемъ. Читать онъ научился самоучкой, когда ему еще не было пяти лѣтъ. Благодаря заботамъ старшаго своего брата Николая (будущаго шипкинскаго героя, Николая Григорьевича) въ раннемъ возрастѣ онъ уже свободно владѣлъ французскимъ языкомъ.

Но въ чемъ же заключались первыя его радости, что же привлекало вниманіе ребенка? Съ первыхъ же страницъ онѣ вращаются около книгъ, особенно иллюстрированныхъ. Не знаю, согласятся ли со мной присяжные педагоги, но, наблюдая за дѣтьми, я всегда приходилъ къ заключенію, что отношеніе къ картинкамъ едва ли не лучшее мѣрило умственнаго развитія ребенка. Присмотритесь какъ онъ перелистываетъ страницы какой-нибудь старой иллюстраціи, и вы получите гораздо болѣе ясное понятіе о томъ, насколько въ немъ проснулась собственная мысль, чѣмъ выслушивая, какъ онъ, съ чужого голоса, отбарабаниваетъ басни или рапортуетъ, оставляющій его совершенно безучастнымъ, урокъ грамматики. Томы *Musée des familles* и въ особенности *Живописное Обзорѣніе*, получаемое изъ библіотеки одного знакомаго, вотъ первыя радости и первыя впечатлѣнія, которыя ребенокъ заноситъ на страницы своего дневника. Даже въ послѣдніе свои годы А. Г. говаривалъ въ шутку своимъ роднымъ: „Хоть бы на Сухаревкѣ отыскать эти нумера *Живописнаго Обзорѣнія*, которые доставляли мнѣ такое наслажденіе“. Однообразное теченіе жизни порою нарушалось и болѣе крупными событіями, каковы: пріѣздъ въ городъ звѣринца или прогулки „за Лыбедью“; обстоятельному описанію того или другого посвящаются цѣлыя страницы, въ которыхъ сказывается неподдѣльная любовь къ живой природѣ. Но рядомъ съ этими, болѣе или менѣе обычными, вкусами, въ ребенкѣ какъ будто уже проглядываетъ будущій физикъ. „Сегодня утромъ забавлялся, взвѣшивая у маменьки на вѣсахъ разныя вещи“, читаемъ мы въ одномъ мѣстѣ дневника, а въ другомъ упоминается, какъ съ однимъ товарищемъ онъ мастерилъ какіе-то часы изъ свинца. Только разъ, на первыхъ же страницахъ дневника, девятилѣтній мальчикъ заноситъ очевидно поразившее его извѣстіе изъ далекаго міра, который, онъ и не подозревалъ, на всю жизнь сдѣлается его міромъ—изъ міра университет-

скаго. „Быль сегодня у насъ полицеймейстеръ,—пишетъ онъ,—и разска-
зывалъ, что въ Московскомъ университетѣ 50 студентовъ разжаловали въ
солдаты“,—это былъ грозный сорокъ восьмой годъ.

При той подробности, которой отличается дневникъ, поражаетъ почти
полное отсутствіе первыхъ школьныхъ, гимназическихъ воспоминаній; все
ограничивается упоминаніемъ объ экзаменахъ съ неизмѣннымъ припѣ-
вомъ: „получилъ пять балловъ“. Музыкальные успѣхи сестры Вареньки
волновали маленькаго гимназиста болѣе, чѣмъ собственные уроки. Пови-
димому, онъ самъ началъ учиться музыкѣ самоучкой и тайкомъ, пока его
не захватилъ врасплохъ учитель сестры, похвалившій его за сдѣланные
успѣхи. Въ позднѣйшіе годы музыка была чуть не единственнымъ раз-
влеченіемъ, которое онъ себѣ позволялъ въ качествѣ отдыха отъ усилен-
ныхъ умственныхъ занятій.

Какое вліяніе оказала на него гимназія, кто были его учителя, къ
сожалѣнію мы почти не знаемъ. По разсказамъ его родственниковъ, онъ
уже тогда обнаруживалъ страсть къ физикѣ, воспроизводя передъ домаш-
ними, какіе только могъ, физическіе опыты, видѣнные въ гимназіи, при
помощи самодѣльныхъ инструментовъ. Учителемъ математики и физики
былъ Бодровъ, человѣкъ, по отзывамъ знавшихъ его, весьма талантливый,
но наибольшимъ вліяніемъ пользовался учитель исторіи и географіи А. Н.
Шемякинъ, у котораго онъ нерѣдко бывалъ, получалъ отъ него книги
и сохранилъ о немъ самое теплое воспоминаніе. Но еще болѣе плодотворно
повліялъ на развитіе мальчика учитель мѣстнаго духовнаго училища И. Г.
Соколовъ, человѣкъ, несомнѣнно, замѣчательныхъ способностей, какъ можно
заключить на основаніи слѣдующаго обстоятельства. Во Владимірѣ жилъ
врачъ, который, благодаря многочисленной практикѣ, не успѣвалъ слѣдить
за своею наукой, и вотъ этотъ Соколовъ, несмотря на свое исключительно
семинарское образованіе, взялся читать за него медицинскія книги и сооб-
щать ему новости по его спеціальности. Соколовъ очевидно привилъ А. Г.
любовь къ природѣ; съ нимъ онъ дѣлалъ экскурсіи и по его указаніямъ
еще въ гимназіи собралъ довольно большой гербарій.

Какъ бы то ни было, гимназическій курсъ былъ оконченъ блистатель-
но, съ золотою медалью, но находилось время и для литературныхъ раз-
влеченій, о чемъ свидѣлствуютъ нѣсколько сохранившихся номеровъ
рукописнаго учено-литературнаго журнала, въ которомъ А. Г. редактор-
ствовалъ и помѣщалъ свои произведенія въ стихахъ и прозѣ. Въ прозѣ
проскальзываетъ скептическій взглядъ на медицину и медиковъ, сложив-
шійся быть можетъ подъ вліяніемъ Соколова, а поэзія касается между
прочимъ стараго, но вѣчно юнаго школьнаго мотива:

Экзаменовъ обычный срокъ
Пройдетъ и... милосердный Боже,
Опять садимся за урокъ
И цѣлый годъ долбимъ все то же.

Въ Московскій университетъ А. Г. поступилъ по примѣру своего старшаго брата. О годахъ, проведенныхъ въ университетѣ (съ 1856 по 1860 г.), этой самой важной эпохи въ жизни, когда кристаллизуется будущій обликъ человѣка и ученаго, къ сожалѣнію, не имѣется у меня никакихъ письменныхъ свѣдѣній,—въ результатъ ихъ былъ кандидатскій дипломъ и, что еще важнѣе, командировка въ 1862 году за границу, гдѣ А. Г. пробылъ три съ половиною года.

Эти годы съ ихъ напряженною научною дѣятельностью, въ благотворной атмосферѣ маленькихъ университетскихъ городковъ, еще не объединенной, но зато и не заразившейся повальнымъ милитаризмомъ Германіи, были конечно лучшими и самыми важными годами въ его жизни. Всякій, кто испыталъ на себѣ вліяніе этой атмосферы, съ ея исключительно умственными, идейными интересами, знаетъ, какую печать она налагаетъ на всю будущую дѣятельность ученаго, надолго снабжая запасомъ энергіи для сопротивленія окутывающей тинѣ житейскихъ мелочей и дразгъ. О пребываніи А. Г. за границей сохранились отрывочные слѣды въ его собственныхъ письмахъ и разказахъ его гейдельбергскихъ товарищей.

Гейдельбергъ того времени былъ Меккой, куда стремилась, особенно послѣ временнаго закрытія Петербургскаго университета, русская учащаяся молодежь, преимущественно натуралисты. На его Haupt-strasse тогда еще съ гордостью показывали узенькое двухъэтажное зданіе съ фасадомъ въ какихъ-нибудь двадцать оконъ, величая его Natur-palast. Въ то время еще далеко было до тѣхъ дѣйствительныхъ дворцовъ, въ которыхъ расположилась наука нашего времени, но зато подъ одною крышей этого убогаго дворца помѣщались Кирхгофъ и Гельмгольцъ. Изъ многочисленныхъ русскихъ, поселившихся тогда въ Гейдельбергъ, выдѣлился, между прочимъ, кружокъ молодыхъ ученыхъ, посѣщавшихъ лекціи Кирхгофа по математической физикѣ. „Хотя большинство изъ насъ,—разсказывалъ мнѣ одинъ изъ участниковъ этого кружка, В. Θ. Лугининъ,—было старше Столѣтова и многіе обладали очень основательнымъ математическимъ образованіемъ, но съ первыхъ же разовъ, какъ мы стали собираться для составленія лекцій, онъ рѣзко выдвинулся впередъ; то, чего мы добивались съ трудомъ, ему давалось шутя, и вскорѣ онъ сдѣлался уже не простымъ сотрудникомъ, а руководителемъ нашихъ занятій“. Могу съ своей стороны прибавить, что, когда черезъ нѣсколько уже лѣтъ я, въ свою очередь, провелъ въ Гейдельбергѣ нѣсколько семестровъ, посѣщая, между прочимъ, и практическія занятія у Кирхгофа, мнѣ доводилось слышать еще свѣжее преданіе объ одномъ молодомъ русскомъ, съ виду почти мальчикѣ, изумлявшемъ всѣхъ своими блестящими способностями. Сохранилось письмо Кирхгофа, въ которомъ онъ называетъ Столѣтова самымъ талантливымъ изъ своихъ учениковъ. До какой степени былъ онъ расположенъ къ А. Г., доказываетъ тотъ фактъ, что впоследствии онъ сообщалъ ему рукописи

своихъ неизданныхъ трудовъ. Кромѣ Гейдельберга, А. Г. провелъ вѣсколько времени въ Геттингенѣ, гдѣ занимался у В. Вебера. Но напряженный трудъ и поразительные успѣхи въ избранной спеціальнойности не мѣшали ему выносить изъ своего пребыванія на чужбинѣ и другія, болѣе общія впечатлѣнія. Европа, съ первыхъ же шаговъ—въ Берлинѣ—приковываетъ его вниманіе широкимъ разливомъ общаго развитія и просвѣщенія въ такихъ слояхъ народа, которые дома представляли картину темнаго невѣжества и чуть не поголовной безграмотности. Контрастъ чужого со своимъ, роднымъ, поразившій впечатлительнаго юношу, заставляетъ его съ тѣмъ большимъ жаромъ относиться къ благимъ вѣстямъ, доходившимъ съ родины, какъ, напримѣръ, къ слуху о скоромъ введеніи суда присяжныхъ. Въ этихъ строкахъ его письма, какъ будто слышится отголосокъ гейдельбергскаго студента того времени, когда русская молодежь безъ различія спеціальностей и фалькультетовъ толпилась въ аудиторіи Миттермайера, гдѣ маститый юристъ въ увлекательномъ изложеніи знакомилъ съ исторіей и практикой этого института, вездѣ являвшагося какъ бы символомъ общественнаго возрожденія, и привѣтствовалъ его скорое появленіе въ молодой, многомилліонной странѣ. Любовь къ природѣ, уже въ родномъ Владимірѣ находившая себѣ пищу въ прогулкахъ „за Лыбедью“, нашла себѣ болѣе обильную пищу въ мягкихъ красотахъ окрестностей Гейдельберга и очаровательныхъ картинахъ Женевского озера, описаніями которыхъ наполнены нѣкоторые изъ его писемъ домой.

Возвратившись въ Москву, А. Г. съ 1866 г. приступилъ къ преподаванію математической физики и физической географіи. Въ 1869 году онъ защитилъ диссертацию: *Общая задача электричества и ея приведеніе къ простѣйшему случаю*, получилъ степень магистра и утвержденъ доцентомъ. Черезъ три года онъ защитилъ докторскую диссертацию: *Исслѣдованіе о функціи намагничиванія мягкаго жельза*; въ томъ же году избранъ экстраординарнымъ, а черезъ годъ, въ 1873,—ординарнымъ профессоромъ.

Экспериментальная часть докторской диссертации была выполнена въ Гейдельбергѣ, во время полугодичной командировки въ 1871 г.,—обстоятельство, доказывающее, какъ всесторонне обсуждена была тема и какъ подробно обработанъ планъ изслѣдованія, если его возможно было осуществить въ такой краткій срокъ. Но эта необходимость уѣзжать изъ своего университета для того, чтобы работать, конечно, заронила мысль создать въ Москвѣ то, за чѣмъ приходилось ѣздить такъ далеко. Должно замѣтить, что если рабочія химическія лабораторіи, благодаря краснорѣчивой пропагандѣ Либиха, уже съ сороковыхъ годовъ начали составлять необходимыя условія преподаванія химіи, то рабочія физическія лабораторіи были еще недавнимъ нововведеніемъ и въ Германіи, и во Франціи. Хотя забота объ устройствѣ физической лабораторіи не входила собственно въ кругъ его обязательныхъ занятій, какъ преподавателя матема-

тической физики, А. Г. тѣмъ не менѣе со свойственною ему энергіей и организаторскимъ талантомъ, въ жалкомъ помѣщеніи, на нищенскія средства создаетъ физическую лабораторію, сдѣлавшуюся центромъ цѣлой школы русскихъ физиковъ, занявшихъ кафедры въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Имена Шиллера, Соколова, Колли, Зилова, Шегляева, Гольдгаммера, Михельсона извѣстны ученому міру, къ нимъ можно было бы присоединить еще не одно имя болѣе молодыхъ ученыхъ, которые не замедляютъ послѣдовать по стопамъ своихъ старшихъ товарищей. Доставивъ своимъ ученикамъ, во время прохожденія университетскаго курса и по окончаніи его, все, что только можно было доставить при скудности находившихся въ его распоряженіи средствъ, А. Г. въ то же время не принадлежалъ къ числу тѣхъ ученыхъ, которые, руководясь узкимъ, по большей части ничѣмъ не оправдываемымъ самолюбіемъ и ложно понимаемою національною гордостью, считаютъ излишнимъ, чтобы молодые люди послѣ продѣланной дома школы стремились для окончанія своего образованія въ лабораторіи Запада. Напротивъ того, онъ употреблялъ всѣ старанія, преодолевая нерѣдко значительныя препятствія для того, чтобы доставить своимъ ученикамъ этотъ случай воспользоваться общеніемъ съ великими учеными Запада и болѣе или менѣе продолжительнымъ пребываніемъ въ той атмосферѣ уваженія къ наукѣ и ея представителямъ, которая невольно охватываетъ въ западныхъ лабораторіяхъ и аудиторіяхъ. Съ другой стороны, онъ никогда не былъ сторонникомъ того узкаго взгляда, — своего рода ученія Монро: „Московский университетъ для своихъ питомцевъ“, — и гостепріимно открывалъ двери своей лабораторіи тѣмъ молодымъ ученымъ, которые, продѣлавъ эту школу западныхъ лабораторій, являлись на родину съ готовыми знаніями и желаніемъ посвятить себя наукѣ. Хотя ему приходилось иногда и разочаровываться, но зато онъ находилъ и высокое нравственное удовлетвореніе, привлекая въ Московскій университетъ молодыхъ научныя силы, подобныя П. Н. Лебедеву. Заботамъ А. Г. Московскій университетъ обязанъ и тѣмъ, что могъ воспользоваться глубокими знаніями В. Θ. Лугинина, переселившагося въ Москву съ своею замѣчательною лабораторіей.

Только черезъ десять лѣтъ, т.-е. съ 1883 года, А. Г. переходитъ на освободившуюся кафедру экспериментальной физики и получаетъ возможность поставить уже не только лабораторныя занятія, но и все преподаваніе физики на ту высоту, на какой оно стоитъ въ европейскихъ университетахъ. Здѣсь, быть можетъ, еще болѣе, чѣмъ въ созданіи лабораторіи, доказалъ онъ свою удивительную организаторскую способность, свое умѣніе, не затрачивая сотенъ тысячъ, а на самыя скромныя средства достигать замѣчательныхъ результатовъ. Только тотъ, кто припомнитъ старую физическую аудиторію съ ея почти безпросвѣтнымъ мракомъ, вытянутую въ длину, со скрыпучимъ, уходящимъ въ пыльную высь по-

мостомъ для слушателей, только тотъ, кто припомнить это помѣщеніе, пригодное, для чего бы то ни было, только не для чтенія экспериментальныхъ курсовъ, можетъ оцѣнить вполне всѣ достоинства прекрасной, одной изъ лучшихъ въ Европѣ, физическихъ аудиторій, которой обладаетъ теперь Московскій университетъ благодаря энергіи и таланту А. Г. И не забудемъ, что это не было новое зданіе, гдѣ строителю оставалось бы только справляться съ современными требованіями преподаванія,—приходилось считаться съ условіями стараго, неуклюжаго зданія, втискивая въ него новую часть, удовлетворявшую совершенно новымъ потребностямъ. Соотвѣтственно съ помѣщеніемъ, и экспериментальная часть была сразу поставлена на высоту, не уступающую лучшимъ западнымъ образцамъ. Не только учащіеся въ университетѣ, но вся образованная московская публика могла не разъ въ стѣнахъ этой аудиторіи знакомиться съ великими научными открытіями черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, черезъ нѣсколько недѣль послѣ ихъ появленія, и въ такой обстановкѣ, какой могли бы позавидовать Берлинъ, Парижъ или Лондонъ. Опыты Герца и Тезла, фонографъ Эдиссона и спектры Роланда, цвѣтная фотографія Липмана и радіографія Рѣнтгена—со всѣми этими открытіями могли своевременно ознакомиться университетъ и Москва, не затрачивая на то милліоны, благодаря энергіи А. Г., не жалѣвшаго ни времени, ни трудовъ, ни хлопотъ. Это было краснорѣчиво засвидѣтельствовано во время IX съѣзда естествоиспытателей, когда профессоръ Боргманъ благодарилъ А. Г. отъ лица членовъ съѣзда „за безпримѣрно блистательную организацію засѣданій“.

Но университетомъ не ограничивалась дѣятельность А. Г. Выбранный въ 1881 году предсѣдателемъ отдѣленія физическихъ наукъ въ обществѣ любителей естествознанія, онъ съ первыхъ же своихъ шаговъ не только вдохнулъ новую жизнь въ это отдѣленіе, но можно сказать, что его появленіе было сигналомъ къ оживленію дѣятельности общества и въ новыхъ, до тѣхъ поръ не проявившихся, направленіяхъ *). Физическое общество сдѣлалось сборнымъ мѣстомъ для всего молодого, живого, интересующагося успѣхами точнаго естествознанія въ области механики и математики, физики и астрономіи, химіи и фізіологіи. Собирались сюда для обмѣна мыслей, для сообщенія о своихъ текущихъ трудахъ или для доклада о новыхъ крупныхъ пріобрѣтеніяхъ науки; собирались и для того, чтобы доставлять московскому обществу возможность знакомиться въ общедоступномъ изложеніи съ тѣми завоеваніями человѣческой мысли, которыя привлекали въ данный моментъ вниманіе ученыхъ, такъ какъ,

*) А. Г. былъ нѣкоторое время и членомъ общества Испытателей природы. Причины, побудившія его и нѣсколькихъ другихъ членовъ покинуть общество, были мною въ свое время разъяснены въ статьѣ *Вынужденное объясненіе*, помѣщенной въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*.

и въ этомъ отношеніи, А. Г. раздѣлялъ съ самыми выдающимися научными дѣятелями Запада мнѣніе, что наука путемъ серьезной популяризаціи должна идти на встрѣчу обществу, пріобщая его къ своимъ интересамъ, — мнѣніе, которое въ то время далеко нельзя было считать укоренившимся, — еще очень распространено было воззрѣніе, что наука и ученые только выигрывали, скрываясь въ глубинѣ своихъ святилищъ. Въ теченіе почти десяти лѣтъ (до 1889 г.) А. Г. оставался душой физическаго общества, обнаруживая во всемъ, до чего касался, неутомимую дѣятельность, обо всемъ заботясь, все налаживая, ободряя однихъ, понукая другихъ, и всѣхъ заражая своей неутомимой энергіей и желаніемъ, чтобы физическое общество оставалось вѣрнымъ своей основпой идеѣ: съ одной стороны служить центромъ для обмѣна мыслей между представителями науки, а съ другой стороны — источникомъ, изъ котораго и все московское образованное общество могло черпать строго-научныя знанія въ доступной ему формѣ.

Посвящая, такимъ образомъ, всѣ свои силы научнымъ трудамъ и организаціи преподаванія, заботясь о томъ, чтобы подъ его руководствомъ молодые физики могли испытывать свои силы на самостоятельныхъ изслѣдованіяхъ, — за чѣмъ прежде приходилось ѣздить на чужбину, — удѣляя, наконецъ, остальное время болѣе широкому распространенію знаній въ обществѣ, А. Г. искалъ отдыха исключительно въ почти ежегодныхъ лѣтнихъ поѣздкахъ за границу, гдѣ поддерживалъ сношенія съ великими учеными вѣка и выдающимися дѣятелями въ области физики — Кирхгофомъ, Гельмгольцемъ, Томсономъ, Максвеллемъ, Кундтомъ, Липманомъ, Больцманомъ, и др. Уваженіе, которымъ онъ пользовался въ средѣ своихъ западныхъ товарищей, обнаруживалось при его появленіи на съѣздахъ и конгрессахъ, какъ, напримѣръ, въ избраніи его вице-президентомъ международнаго конгресса электриковъ во время всемірной выставки въ Парижѣ въ 1889 году. На всѣхъ торжественныхъ засѣданіяхъ и приѣмѣ у Карно въ Фонтенбло А. Г. можно было видѣть рядомъ съ В. Томсономъ (лордомъ Кельвиномъ), президентомъ конгресса. Напомнимъ, что въ 1889 г. почетъ, оказываемый русскому, еще не имѣлъ подъ собой дипломатической почвы, а относился непосредственно къ лицу, да къ тому же и съѣздъ былъ международный.

Въ 1893 году, когда въ Императорской академіи наукъ открылась ваканція по физикѣ, А. Г. былъ извѣщенъ, что комиссіей, которой поручено было разсматривать права кандидатовъ, — онъ былъ признанъ единогласно и единственнымъ кандидатомъ. При такихъ условіяхъ избраніе его представлялось настолько очевиднымъ, что онъ получилъ даже приглашеніе осмотрѣть академическую лабораторію и высказать свои соображенія относительно ея измѣненій и улучшеній. Но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ кандидатура его была устранена, а избраннымъ оказался князь Б. Голицынъ, магистерскую диссертацию котораго, не задолго передъ тѣмъ, А. Г.